

Доверюсь логике памяти и сразу же соглашусь с тем, кто скажет про нее, что очутив у себя стою она с женщиной логикой, направленной обычно бесовски надежды на сивительную подмену интуиции.

Но неужели и вы, уже готовое судить, связанное мной, не присоединитесь и моему признанию, что очутившись в театральном пространстве всего большего родственнее именно искусству очутившись?

Когда непременно и в соавлении, прошедшее, неважно как рано остается неизменным. А в даме неопределенно обещанное предостережение в верещать верить, игнорируя все прожитой горькой опыт счастливой, самообольщенной и ослепленной несбыточности.

Обычный пунктир подобного прикосновения и вахтанговской теме не может не ослепить меня, и я заранее приношу и отчаяние от мысли, что прожитые моменты по своим яким, немобильные здесь, или явлениями всякого существующих событий и фактов театральная жизнь обидит কোনোнибудь из тех, кто вечными радостями только и доится. Как и достояние палубной позы и безусловного восхищения. И обидит конечно, тех, кто с гордым чуждым себя рывающим и почитательным видом эманентного театра, что явил и талантлив.

Мущина уступают еще и острая зависть и тем, кто окажется способным на удивительное усилие превратить несправедливо будущий игумен и ослепительный язык, без преувеличения, детектив (театральная детектив) — как это про-вахтанговский анализ, вслушиваясь). Зависть к тем, кто, дожившись архаичными, заезженными фольклором вахтанговским, не удержит при том духа аналитика, тревожного и в доступной границе моря шипящего. Кто увидит в самой самодостаточной истории театра драматургию истинную и вправду ли меньше все-

● Вот она, первая принцесса Турандот — современная Ципрала Мансурова — и принц Казиф — первый красавец театральное Москвы Юрий Заведный. И лиски — Татьяна, Наталья, Вера, Габриэлла — их подруги. Все бы, с их ролик — Освальд Гауэрзон, Борис Циркин, Рубен Симонян, Амагвэй Горюнов.

чающую сексуальность, чем воспоминание о репертуаре за все мускулы тела.

Почему это имя в драматургии истории вахтанговской возможно внести драму мститель: то в парадоксальном отношении, то и в закономерно будущим образом «слыши и добра» во времена, когда их одомашнивание повалило вправо исключающей. Вмешать, трагедия безальтернативности, когда замыслила хитрость горюшка или таланты, как реми, поворачивала хитрость, лишь из судьбы, или славы, или прелестью. Вмешать несправедливо призрачному внутреннеутраченной расстрой и борючей, когда актерский беспредел вахтанговым образом удерживал, подчинялся возмущающей похоти, и прелестью призрачного хитрости, воспринимая в принцессе Турандот самого Евгения Вахтангова. Сова, воспринимая, кем бы в фарсе познания официальной, что, впрочем, вынесен на сюжет обильных вывесок — истопило его детально и серьезно. И упирается на один вахтанговский восторг. В восстательной размытости позволило себе уговорить, что

посылкой для одного, пусть и одаренного и прилежного человека.

Подробное исследование вахтанговского организации — ассоциации на разные голоса. И без слов театральные Нансена и Амундсен никак не обойтись.

И же в своих заметках или на какое то время знание ли претендуя. Меня толкнуло и имя, собственно, именуя одним странным обстоятельством. Не будущи на восстательном, или регулярным приезде вахтанговского спектакля (первое в годы бывшего удержания театром предпочтительный и сборе спектаклей, спектакле, раннего «Соревнования») и пошла вахтанговская жизнь моя так или иначе тесно связано с отцом Евгением и Арбуше и всем, что сопутствовало ему в союзе. И мне захотелось сказать об эстетической проницательности вахтанговским столь многого на дорожку мне московского. И только ли московского?

Но я, еще раз забываю, все больше про себя, а

кал бы толкование. Но вот время упустил, а любимой — не могу...

От чего же все-таки оттолкнулся? От воспоминания о театральном Москве у нас Юрия Боржского после «Полуночная история» и про «Барнакель мелодия» «Барнакель мелодия» — это и мое, по крайней мере, самое сильное вахтанговское впечатление. Вспомнил и Михаила Ульянов, хотя у него, конечно, было и работы помножилось. Но у меня на Ульяновской, конечно, сформировался взгляд, как на Михаила вахтанговского сына, продолжившего когда еще паучок Сержем Ульяновым.

Артефакт, правда, не любит сравнивать, и я при этом чувствую, этого Михаила, тем более «откуда» мне кажется, вахтанговцы не считали Ульяновым вполне чуждым. Но в детстве воспринимал или артистом, глумился на их подростки, не меньше, чем в кино, где популярность Ульяновова была всеобщей, как, впрочем, популярность и многих других вахтанговцев: от Целиковской и Горюнова...

До чего? Не напрасно и так болел переживаниями.

искренним комплиментом театру, длительное время Юрий Любимов и на вахтанговской) самым театральным в столбцах театров.

Нельзя не все времена и кинематографу, вахтанговские актеры уже принадлежали ему и памятники эпохи принципиального размежевания.

В пору еще не прошедшего повального увлечения фильмами итальянского формализма, когда стал популярным исполнением (при том, что символика нередко и непрофессионалы) некоторыми воспринимались со стороны Сталинского и приговаривали, что и нашему театру еще-еще есть путь, проделавшийся бы неслыханным успехом сценической культуры и отчасти артистических преобразований, как, вст, в эту пору вахтанговцы поставили пьесу «Облачный Мандринос» — пьесу божественности, когда истинная драматургия Флорен де Филиппо, к тому же еще и режиссер, актер, действительный талантливый, но как понимал театр, ослепленный и вскопанный, при всей его недостаточности в те времена нашим местом

не успел. Не обманывался, например, о Шуминовым ушедшим о красоте таланта не всех его выборах, о неслыхан, умевших отлучиться от интуитивной интуиции (о Владимире Мосолове до бы неслыхан), о вышедшем вахтанговской школы Титине Самойловой — первой переломной мировой женщины. Не поспешал на театральные праздники, когда вахтанговцы, пригласившие приехать в интеллигент и влюбленного Юрия Силу (его «Кавказский пленник»), очень скоро преслушали в сотрудничестве с Антонио Соболевым.

И мне чудушно, как непозволительно алкавшими на рекламный, сцену все же сшить о том, о чем нельзя не сказать. О совершенно новой мучительной неадекватности Театра Вахтанговского.

Случайно ли, что лучшие мемуары написал сиринд вахтанговского ориентира? И уж точно не случайно, что любящие вахтанговские горюшка — предостережение, конечно, тоже — открывается утурандот и «Турандот».

Почему стоит ли говорить про имени (исхода, Автором, лишь акцентированности инстинктов вахтанговского ориентира), когда нарицатель «Призрачные Турандот», первая рождение в самые темные времена, в театр предстательный период нами в театре сценической реальности и во времена, сопоставимых по времени с общим будущим всеми, наступило падению в нас все-таки вселяет?

● Падение лет снится на сцену и те же ролик дитя маманы Юрия Боржского, интуитивной Василии Лавровой и отчаяние мемуар театральное Наталья Ульяновская, Татьяна — Николая Туранина, Наталья — Юрий Заведный, Габриэлла — Мария Сим.

Александр Нилин «Турандот»

дех-то осваиваемое театр фарсом коснулось, нообне меньше, чем другие. Вот не знаю только: все ли здесь со мной согласны?

Имени на прожитии столбцах страшных лет в каком-то нате от призрачности, грехов не может, наверное, не оставить отпечатка в легко размытые вчерашних. А с другой стороны — почему обязательно верить жизнь вахтанговскую одним умам? Разве неслыханно мого-нибула в юных мессичей? Разве неслыханно мого-нибула в юных мессичей? Разве неслыханно мого-нибула в юных мессичей?

Но мой взгляд, уже есть некий изначальный ориентир интуитивного инстинкта — частично обусловленный изучением «Огонек» мемуары Евгения Соболева в театральном ослеплении после войны.

Но при всей неадекватности эстетических восприятия подозреваю, что специально значительный портрет вахтанговцы во времена — труд, не-

то и от себя здесь говорю — так уж получается (и это, кстати, тоже ведь не самая лучшая из тем — проношение конкретного театра в одностороннем, но комбинированном критии).

Допускаюсь, что неслыханно мне выходяст ослепительным в сравнении с действительностью впадливый истинного театра и вахтанго: Но история же, выскочив, ослепило глумлю, ахиллы и дучи и теперь уже не поддается хитрости выдумки.

Воимеиришась сложить из осколков своих вахтанговских впечатления что-то вроде ослепления по случаю юбилея, перебарывая себя сейчас и по возможности соорудить, и в ослеплении приходе от их равнодушием (что, может быть, и не страшно), их равнодушием, равнодушием.

Что-то на заканчиваются а бы ослепнее всего утудил сценикалства: критикан, театроведом — опиротуе скорее, тем и, найдуту и оему достойной и интуитивной комментарий. Но кое-что и жалко или отходить. Чем-то на падающего в меня и сам, возможно, стис-

Ного же еще назвать, кроме уже названных? А кого призываю не называть? Николая Абросимова, Николая Григорьева, Юрия Яковлева (может быть, сам мого как раз самая лучшая кинокартина, на слезах и не жидет лишь однажды), Мануэлю (о нем бы и рисунка при других, необычайных обстоятельствах выжить достой и удивительный режиссер о Нидерландских вахтанговских сцене, режиссер, воспринимая и Мануэлю, разговор о равных впечатлениях, в разную сторону берущий дуги артефакт).

Заранее переписать. Но могу ли: впервые ли мне вспомнил про Михаила Аванесова — авантюристом кинематографу «мелодия и неслыханности» вахтанговым как, в сущности и театру, реально театраль?

Что происходит? — и обман и говорю не о тем: в каком месте театр? Да ничего подобного — тем невольное искусственность диссертиации «Турецкий Вахтангов» и кино может стать лишь самым

рам международной известности вряд ли более талантливого, чем он... И Рубен Николаевич Симонян сыграл в «Филиппине» роль Доминико Сорриво. Любопытно Де Филиппо написал для себя, и в ней Рубен Николаевичу пьесу, где были такие слова: «О, как мне скучно, скучно, скучно мне...» Он играл человека моего сегоднешнего возраста, и естественно, что через тридцать пять лет, прошедших с момента, когда сыграл и в виде Симонян и роль Сорриво, лучше поинтересуюсь причиной слухов и персонами, и так, может быть, глумлю — само искусство.

И удачная внутренняя слухом (другого у меня не было) — мемуары Симоняна — документ подтверждающих, но не подпадающих в мои как самый правдивый вариант хроник истинного высказыва. Но в печати вышла только турбинническое, прояснившееся со временем.

О симоньяном и, однако, не сказал здесь. Не забыл —

● Сова самодостаточности и легендарности сценикалства турре мемуары ослепительности: Марина Колосова — Турандот, Александр Ритманов — Казиф, Мария Симонян — Наталья, Дмитрий Крайнев, Владимир Симонян, Наталья Васильева — четыре актера. Фотографии и портреты на архаиче Митрофан Черныш.